ПЕРЕВОД КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

УДК 94 (37)

А. С. Козлов
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ИНСТРУМЕНТАРИЙ И СМЫСЛ «АВТОРСКИХ ПЕРЕВОДОВ» В «RES GESTAE» АММИАНА МАРЦЕЛЛИНА

На основе анализа греческой лексики, элементов греческой фонетики и морфологии, интерполированных в латинский текст крупнейшего исторического труда поздней Античности, Res Gestae Аммиана Марцеллина, определяются смысл и свойства этой лексики как своеобразного авторского перевода. Доказывается, что перевод этот был адресован образованной аудитории западной части Римской империи конца IV в. и являлся одной из попыток сохранения знания греческого языка в этих социальных стратах (как одно из средств консервации социокультурной обстановки классической империи). Показано, что ряд форм и методов такой попытки пережили Античность и перешли в культурную среду раннего Средневековья Западной Европы.

Ключевые слова: *Res Gestae*; Аммиан Марцеллин; переводческая практика; поздняя Античность; грецизмы; латинские тексты

Сведения об авторе: Козлов Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; a.s.kozlov@urfu.ru

© Козлов А. С., 2024

A. S. Kozlov
Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

TOOLS AND MEANING OF "AUTHOR'S TRANSLATIONS" IN THE *RES GESTAE* OF AMMIANUS MARCELLINUS

The article analyzes the largest historical work of late Antiquity in Latin – *Res Gestae* by Ammianus Marcellinus. In particular, the focus is put on the Greek vocabulary and elements of Greek phonetics and morphology interpolated into this text, thus seeking to determine the meaning and properties of this vocabulary as a kind of author's translation. It is proved that this translation was addressed to the educated audience of the western part of the Roman Empire in the late 4th century, and it was one of the attempts to preserve the knowledge of the Greek language in those social strata (as one of the means of preserving the socio-cultural environment of the classical empire). The paper shows that a number of forms and methods of such an attempt survived Antiquity and passed into the West European cultural environment of the early Middle Ages.

K e y w o r d s : *Res Gestae*; Ammianus Marcellinus; translation practice; late Antiquity; Grecisms; Latin texts

A b o u t t h e a u t h o r : Kozlov Alexander Sergeyevich, Candidate of History, Associate Professor of Department for Ancient and Medieval History, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Russia, Ekaterinburg

Аммиан Марцеллин, грек из Антиохи Сирийской, сочинявший на рубеже 80–90-х гг. IV в. [57, p. 70–94; 53; 19; 44] на претенциозной латыни (т. е. в канонах так называемого азианского красноречия) фундаментальную историю Рима, видимо, имел мало современников, предпринимавших аналогичный труд[1]. Приверженность же к азианским канонам, как давно установлено специалистами, определяла тот факт, что

[1] Хотя греческое историописание продолжало цвести на протяжении III в. под пером Диона Кассия и Дексиппа, мы не знаем ни одного латиноязычного автора между Луцием Аннеем Флором и Аммианом, который бы решал задачу подобного масштаба. Поэтому Res Gestae («Деяния») Аммиана на сегодняшний день – последний пример историографического сочинения поздней Античности, заслуживающего титул magna [см.: 55]. Это не значит, что в IV в. не появлялись латиноязычные исторические труды. Мы располагаем краткими обзорами римского прошлого (эпитомами) Аврелия Виктора, Евтропия и Феста, но не имеем, за исключением Res Gestae, параллельных повествований о периоде 353–378 гг. (освещенном Аммианом). В связи с этим, очевидно, заслуживает внимания суждение А. Момильяно об отнюдь не локальном объекте историописания со II в. до н. э. как о факторе успеха исторической литературы в Античности [54, p. 61].

повествовательный стиль Аммиана, в отличие от стиля многих позднеантичных историков, культивировал обширные периоды, украшенные параллелизмами и антитезами, ритмическую прозу (иногда с рифмой), игру слов, что делало текст Res Gestae, по словам Дж. Зеччини, un incubo per l'interprete («кошмаром для переводчика») [78]. Именно в поле подобного стиля в этом сочинении наблюдается нечто уникальное – элементы не просто передачи информации средствами другого (греческого) языка, а элементы сопоставительной семантической презентации[1]. Историк, однако, не только спорадически перепровождает латиноязычного читателя в мир эллинской лексики, но и экспериментирует с самим латинским текстом своего повествования, то и дело подвергая его воздействию греческой морфологии и фонетики. В совокупности подобные методы подачи исторического материала можно рассматривать как одну из многих ипостасей авторского перевода, – если рассматривать переводчика (в отечественной традиции – вслед за И. А. Кашкиным, Н. Галь и М. Л. Гаспаровым, а в западной – вслед за Д. Стайнером, Л. Венути и А. Бриссе) прежде всего как выразителя социального дискурса и участника социального, культурного и политического проекта, который выходит за рамки простого перевода иноязычных глосс[2]. В скудной историографии, пытающейся найти причины такой манеры поэтики Аммиана, преобладает апелляция к стремлению историка выразить свою творческую эллинскую сущность. Исключением являются вышедшие в 50-х – начале 60-х гг. XX в. работы Карло ди Спиньо и сравнительно недавно появившиеся работы Г. Келли, робко указывающие на необходимость учитывать социальную обстановку[3], влиявшую

---

[1] Простейшие, бросающиеся в глаза формы такой презентации, регулярно и последовательно приводимые историком, выглядят как фрагменты школьной лексикографии. Примеры – [68., XIV, 11.18]: visa nocturna, quas fantasias nos appellamus («ночные видения, которые мы [греки] называем фантазиями»); [68., XVII, 7.11]: cavernis minutis terrarum quas Graece syringas appellamus («маленькие пустоты в земле, которые мы по-гречески называем сирингами»); [68, XVIII, 6.22]: terrarum omnes ambitus subiectos, quos ὁρίζοντας appellamus («все окружающее пространство до того, что мы называем *горизонтом*»); [68, XXVI, 1.1]: individua illa corpuscula volitantia per inane, atomos, ut nos appellamus («неделимые тела, движущиеся в пространстве, атомы, как мы называем [их]»; [68, XXX, 6.5]: meatus aliqui, quos haemorrhoidas nunc appellamus («какие-нибудь протоки, которые мы теперь называем геморроидами»).

[2] Из многих работ этих ведущих специалистов, где презентуется такого рода подход к переводческой деятельности, укажу лишь следующие: [6; 7; 2, с. 55–56; 3; 69, p. 34; 73; 72; 10].

[3] Отмечу, что монография Г. Келли «Аммиан Марцеллин – историк – аллюзионист», нетривиально использующая сочетание историко-источниковедческих и филологических методов анализа текста Res Gestae, продолжает традицию Э. Кемирон и Э. Кларк, творчески усваивая их пример прочтения текстов античных интеллектуалов, – в том числе учет

(как один из факторов) на Graeci modi крупнейшего позднеантичного историка [31, p. 387–398; 30; 38; 39; 42].

Таким образом, актуальной становится задача выяснения инструментария того, что мы называем «авторским переводом», осуществленным в Res Gestae, и его цели, адресованности (а значит – смысла).

Начинать, видимо, надо с тривиального напоминания о том, что специалистов до сих пор привлекает самохарактеристика Аммиана как автора, сделанная им в заключительных пассажах Res Gestae: историк считает нужным указать, что он «бывший солдат и грек по происхождению» (Amm., XXXI, 16.9). В самом деле, давно установлено, что сочинение Аммиана демонстрирует его двуязычную бикультурную идентичность множеством способов. Это позволяет рассматривать так называемый «греческий акцент» историка, во-первых, как яркую метафору для обозначения влияния греческого языка на латынь Res Gestae, а во-вторых, как код к переключению внимания от лингвистического аспекта вопроса (т. е. от анализа перевода писателем своих мыслей с одного языка на другой) к социокультурному аспекту такого перевода[1]. В частности, именно это позволяет подумать об интерпретации претензии Аммиана на греческую идентичность [38, p. 74–75; 76, p. 108].

многообразия приемов адаптации традиционных греческих терминов к новым социокультурным условиям обретения знания [18, p. 32–34; 17, p. 11–12; 23, p. 112–113]. Результат – новые аргументы в интерпретации Аммиана как творческого и эрудированного писателя. Важно также, что Келли устанавливает via media между концепциями двух наиболее заметных авторитетов в англоязычном «аммиановедении» последних десятилетий – Д. Мэтьюза и Т. Барнса. Первый из них, как известно, в немалой степени верит сообщениям Аммиана, и это для американского специалиста – основной посыл к более широкому исследованию мира, в котором жил историк [52]. Барнс, наоборот, считает Аммиана большим выдумщиком, а его историческое повествование – источником ненадежным [13, p. 44–45, 78–79]. Келли же оценивает Аммиана по-своему, как историографа, писавшего в соответствии с античными литературными традициями жанра, и не следуя (сомнительным) современным критериям объективности и правдивости.

[1] В связи с подобной постановкой вопроса обращаю внимание на монографию Джеймса Адамса, пока что единственную крупную работу, анализирующую формы контактов латыни с иными языками Римской державы до IV в. Исследователь выделяет три таких основных формы: 1) коммутация кодов (практика коммутации между двумя языками в ходе одного высказывания) и его мотивация, 2) языковой контакт как причина изменений в одном или обоих контактирующих языках, 3) выбор языка и коммутация языков в процессе общения, установление личной и групповой (в том числе – этнической) идентичности и доминирования. О реализации этих форм при контактах латыни и греческого языка [см.: 11, p. 458–519]. Примечательно, что на примере апелляций (в том числе переводческих) Цицерона и Овидия к греческому языку [11, p. 486–480, 503–505] Адамс, исходя из принципа многообразия переводческой идентичности, говорит о *концептуальной* идентичности перевода, – как это делает (совсем на другом материале) Л. М. Алексеева [1, с. 74].

В соответствии с современными постулатами переводоведения, требующими учета в том числе общественных условий деятельности переводчика, роль греческого начала в личности Аммиана можно рассматривать по-разному. Здесь уместно и внимание к его биографии, к его социальным и политическим ориентирам[1], а также к самому процессу создания Res Gestae – процессу, в котором специфическое использование греческого языка в основополагающих элементах латинского стиля – лишь одна из сторон переводческой работы автора, вспомогательный инструмент для этой работы.

Надо учитывать и то, что историк долго жил в многоязычной, но преимущественно грекоязычной Антиохи (был ли он уроженцем этого полиса – вопрос спорный)[2], являвшейся одним из крупнейших эллин-

---

[1] Разумеется, социальная позиция Аммиана, как и любого иного крупного писателя и мыслителя, не может быть выявлена однозначно (историографическую конкретику этого см. ниже), ибо разные социальные и политические группы в сложном, насыщенном полемическим материалом тексте, тем более в кризисное время, могли воспринять по разному мысли автора (в том числе и как переводчика [ср.: 73, p. 29–30]). Приведу несколько наиболее контрастных историографических примеров. Если в литературе второй половины XIX – первой половины XX вв. превалировало мнение о спорадическом нарушении Аммианом принципа объективности, об его пристрастности в изображении римского общества и об его враждебности к германцам [концентрированный обзор этих взглядов см.: 46, p. 158–161], то теперь большинство специалистов склоняется к мнению об искренности писателя, а такой видный аналитик текста Res Gestae, как А. Демандт, даже отказывается видеть в Аммиане (приводящего примеры готской и бургундской лексики!) германофоба [27, S. 14]. Не менее амбивалентна историография темы «Аммиан Марцеллин и христианство». Здесь все осложняется крайней нечеткостью трактовки писателем религиозной тематики вообще. Некоторые исследователи даже в самооценке Аммиана («грек по происхождению») видят намек на его тяготение к взглядам языческой аристократии [70]. Хотя монотеизм Аммиана у большинства специалистов сомнений не вызывает, в старой историографии преобладает мнение об его безразличии к христианству; примечательно, что один из основных аргументов на сей счет – отсутствие в Res Gestae технической терминологии новой религии [22, p. 247–250; 17, p. 65]. Однако превалирование в греческой и латинской позднеантичной литературе классицистических тенденций заставляло так писать и ряд христианских авторов. То же касается и той терминологии Res Gestae, которую некоторые исследователи интерпретируют как христианскую (orare, ecclesia и т. д.) [21, p. 316–320, 322], а некоторые – как языческую (fartum, fortuna) [67, S. 305–306; 56; 66]. Давно известно, что Аммиан критикует как конкретных христиан (в том числе среди знати Рима), так и конкретных язычников (включая своего кумира, императора Юлиана II) [5, с. 228], – и в этом случае вроде бы можно согласиться с А. Демандтом, полагающим, что для Аммиана религия – сугубо частное дело [27, S. 69–85].

[2] Аргументацию данного факта через анализ греческой терминологии, приводимой Аммианом, а также факт знания им сирийского языка см.: [12, S. 18–20]. До сих пор идут споры вокруг письма Либания 392 г. к некоему языковому полиглоту антиохийцу Марцеллину, имевшему крупный литературный успех в Риме (Liban. Ep. 1063). Дискуссия

ских культурных центров Восточного Средиземноморья, а в годы юности Аммиана ставшей одной из императорских резиденций (соответственно обладая присущими таким городам гражданскими и военными стратами)[1].

В своей концепции истории Аммиан представляется ближе к греческой традиции: например, он практикует весьма подробные географические и этнологические авторские отступления, которые гораздо ближе к греческим историографическим формам, чем к приемам латинских историков. В одном из экскурсов он хвалит свой источник за то, что он греческий как по языку, так и по эрудиции [68, XV, 9.2] – оценки, которые, по-видимому, отражают представление Аммиана о самом себе [38, p. 68]. Не следует также забывать, что яркой и показной особенностью стиля Аммиана, особенно в *exempla* и в вышеупомянутых авторских отступлениях, является сопоставление (в манере греческой и римской традиции одновременно) исторических личностей или мест [18, p. 44; 15, p. 458].

Что касается присутствия в тексте Res Gestae греческих глосс (наиболее употребительного инструмента при переводах), то Аммиан, как и любой латиноязычный автор той эпохи, использует множество греческих имен и названий. Однако здесь есть две выразительные особенности. Во-первых, Res Gestae содержит значительные фрагменты греческих текстов, что необычно для исторического опуса, выполненного на латыни, – причем в форме, которая была бы уместна для ученого трактата Гелия или Макробия [ср.: 11, p. 308–309]: он цитирует очень длинный перевод текста, выполненного иероглифами на обелиске римского времени [68, XVII, 4.17–23]; греческие стихи то цитируются полностью [68, XXI, 2.2; XXIX, 2.33], то воспроизводятся частично – по четыре, три и восемь строк соответственно [68, XXXI, 14.8; XXXI, 1.4]; приводится состоящая из двух строк эпиграмма [68, XXV, 4.17]; цитируются отдельные стихи Гомера и два ямба из Менандра [68, XV, 8.7; XXI, 14.4; XXIII, 6.62]; приводится одна короткая эллинская пословица [68, XXIX, 2.25]. Все эти фрагменты распределены более или менее равномерно между составными частями повествования (например, различными оракулами) и авторскими отступлениями.

усилилась после того, как в 1992 г. был нарушен консенсус относительно идентичности этого Марцеллина и нашего историка [см.: 34; 39].

[1] Антиохия была резиденцией императоров Констанция II (между 335 и 350 гг.) и Галла Цезаря (между 351 и 354 гг.) [см.: 52, p. 70–80]; об уровне культуры Антиохии в то время [см.: 52, p. 70–74].

Вторая выразительная особенность в том, что Res Gestae содержит много кратких греческих фраз и отдельных глосс. Но если длинные эксцерпты составлены греческими литерами, то большинство кратких транслитерированы в латиницу[1]. Плюс к тому, длинные эксцерпты на греческом языке из данного ряда автором не переведены. В большинстве случаев приведения коротких пассажей такого рода Аммиан объясняет отсутствие переводов либо чисто техническими причинами (например, при подробной характеристике знамений [68, XX, 3]), либо тяготением к эффектности. Есть несколько случаев, когда Аммиан для обозначения процесса перевода прибегает к страдательной или безличной форме глагола, например для обозначения «неизменности решения рока»: quae tethimena sermo Graecus appellat («…что по-гречески называются τεθειμένα») [Ibid., XXI, 1.8]. Однако в основном историк идентифицирует свой язык с греческим, использует в аналогичных случаях глагол от первого лица множественного числа, а также местоимение nos[2], существительные Graeci или Greece, управляющие глаголом или видоизменяющие его; иногда автор Res Gestae использует и комбинацию из названных трех приемов [74, II, p. 160–161]. С учетом такого рода зачастую сумбурных приемов авторского интерлингвистического перевода становятся понятны некоторые «несуразности» в рукописной традиции Res Gestae.

Как известно, важнейшим манускриптом с текстом сочинения Аммиана является Фульдская рукопись (Vatic. L at. 1873), найденная Поджо Браччолини и положенная в основу критического издания Ч. Кларка (1910–1915 гг.). Все остальные известные рукописи (за исключением Герсфельдской) являются списками с Фульдской и не имеют значения для восстановления текста. Так вот, неуверенность создателя Фульдского документа в передаче греческого текста вышеупомянутого римского обелиска иллюстрируется тем фактом, что скриптор

---

[1] Многие редакторы, готовя Res Gestae к изданию, переводили эти транслитерированные формы в греческие литеры. Вспомним в связи с этим, что на шести листах и двух фрагментах, сохранившихся в Герсфельдском манускрипте, одной из двух авторитетных рукописей, содержащих тексты Res Gestae, нет греческих литеров или мест, где они были бы возможны [40, p. 11–12]. В. Зейфарт склонялся к мысли, что редактору Аммиана следует руководствоваться принципами прочтения такой одной авторитетной рукописи и соблюдать их при освоении остальных текстов, какими бы ошибочными эти принципы не были [68, p. XXI]. (Подразумевается, что Аммиан во многих случаях не был последователен при выборе между греческим и римским алфавитом.) Однако Г. Келли полагает, что в протографе греческими литерами в соответствующих местах Res Gestae было написано намного больше, нежели латиницей [38].

[2] Для Аммиана nos, конечно, может также обозначать его другую идентичность – как римлянина, особенно в военных ситуациях [см.: 74, II, p. 160–161].

вместо копирования этой надписи просто оставил пробел в полтора листа [42, p. 109–110]. В итоге сей документ сохранился лишь потому, что Сигизмунд Гелений (ученый, близкий к Эразму), издавший труд Аммиана в Базеле в 1533 г., взял его текст из Герсфельдского манускрипта. Написание греческих терминов, фраз подкрепляется рукописной традицией передачи пассажей из Amm., XX, 3.4 и XX, 3.11 (где глосса ἀρόκρουσιν, «убывающий», является исправленным ἀστόκρυσιν Фульдского кодекса), XXII, 8.17´XXII, 9.7 и дважды из XXX, 4.3 [42, p. 112]. К этому ряду следует добавить Amm., XVIII, 6.22, где В. Зейфарт (в своем издании) вместо ὁρίζοντας вставляет латинизированную форму horizontas, хотя в Фульдском документе стоит opizontac. Похожая ситуация встречается в пассаже Amm., XX, 3.10, где Зейфарт использует написание menoides для передачи наличествующего в Фульдском документе термина menoid hoc. Вполне возможно, что в данном случае hoc скриптора родилось от греческого окончания ης, и мы должны принять для данного пассажа предложенный Гелениусом термин μηνοειδής («в форме полумесяца»). Следует, однако, иметь в виду, что в Res Gestae намного больше случаев, когда нет достаточных оснований для отказа от латинской транслитерации: XIV, 11.8; XVII, 7.11; XIX, 8.11; XX, 3.9; XX, 3.10; XXII, 8.33; XXII, 8.41; XXII, 15.29, XXIII, 4.10; XXIII, 6.20, XXV, 2.5, XXVI, 1.1, XXVI, 1.8. Можно только отметить, что в некоторых из этих случаев Зейфарт «улучшает» латинскую орфографию греческих слов (например, phantasias для fantasias Фульдского кодекса в Amm., XIV, 11.18 и euphronen для eufronen в XXII, 8.33)[1].

Что же касается инструментария Аммиана, используемого для подчеркивания *необходимости* авторского перевода ряда тезисов и дефиниций каких-либо реалий, то прежде всего надо указать на применение глагола appellate. В том же ключе используются Аммианом и другие глаголы, например dictitamus [68, XX, 3.4]; vocamus [68, XX, 3.11]; cognominamus [68, XXIII, 4.10].

Здесь необходимо заметить, что хотя замалчивание эллинской лексики не было редкостью в латинской литературе, но демонстративно называть себя греком для латиноязычного автора было нонсенсом. Подобное заявление являлось противоположностью римской практике. Например, с определением visa nocturna, которое дает Аммиан («…кои мы называем фантазиями») [68, XIV, 11.18], можно сравнить толкование того же термина Цицероном: quam ille φαντασίαν nos visum appellemus Licet («мы можем называть видением то, что он [Зенон] называл

[1] Об использовании (или отказе от использования) греческого алфавита в латинских текстах этого периода [см. 61].

фантазией») (Cic., Ac. I, 11). Аналогично суждение Квинтилиана: quas φαντασίας Graeci vocant nos sane visiones appellemus («то, что греки называют фантазиями, мы называем видениями») (Quint., Inst., VI, 2.12). Авл Гелий пишет: visa quas Φαντασίας appellant («видения, которые они называют фантазиями») (Gell., NA, 11, 5.6). Обращает на себя внимание то, что при определении носителей эллинской речи Аммиан использует множественное число от первого лица. Исключение из этого правила – пассаж, объясняющий название полиса Пессинунт: quidam enim figmento deae caelitus lapso ἀπὸ τοῦ πεσεῖν, quod cadere nos dicimus, urbem adservere cognominatam [68, XXII, 9.7]. Это заявление иногда понимается как «...некоторые утверждали, что город назван в честь скульптуры богини, упавшей с неба, от πεσεῖν, которое мы называем *падать*». Но, как справедливо отметил Ян ден Бефт, из параллельных пассажей [68, XXII, 8.33; XXII, 15.29; XXIII, 6.20] ясно, что подразумеваемый субъект следует воспринимать не как «мы, говорящие на латыни», а как «мы, говорящие на греческом». Поэтому Ден Бефт предлагает переводить пассаж так: «от πεσεῖν, что по-нашему означает cadere» [28, p. 12; ср.: 29, p. 34–35]. Однако, с учетом двусмысленности всего суждения и отсутствия логичной клаузулы dicimus, есть вероятность, что скриптор просто забыл поставить Graeci после глоссы dicimus [38, p. 70].

Следует, однако, не забывать, что наряду с указанными проявлениями двуязычия и бикультурализма в поле сегментов авторских переводов Аммиана специалисты также рассматривают linguistic Greekness как глубокое и отчасти подсознательное свойство прозы Res Gestae. Первым это попытался всесторонне обосновать Э. Норден: предположение о том, что Аммиан мыслил по-гречески, стало повторяющейся темой Т. Барнса [57, S. 648; 13, p. VIII, 65–78, 225–230]. Но чтобы признавать влияние двуязычия Аммиана на характер пассажей, содержащих его авторские переводы, не обязательно соглашаться с формулировками Нордена и Барнса. Наиболее глубоким подходом к данной теме на сегодняшний день отличается работа Яна ден Бефта, раскрывающего проблему с учетом современных исследований двуязычия и формулирующего вопросы в понятиях лингвистической интерференции, характерной для билингвизма. Нидерландский филолог полагает, что, хотя мастерство Аммиана в латыни неоспоримо, а грецизмы были весьма распространены у авторов, однозначно ориентированных на латынь, это не исключало их необычайной склонности к Grecisms. Исследователь считает, что предпочтительнее рассматривать Аммиана не просто как двуязычного автора, а как транслятора со склонностью к доминированию греческого языка, нежели к сбалансированной билингве [28, p. 15–16].

К приводимой нидерландским специалистом аргументации добавлю несколько примеров.

[68., XV, 5.7]: testabatur enim id se procul dubio scire| quod, siqui mitteretur externus,| suopte ingenio Silvanus etiam nulla re perterrente timidior| composite forte turbabit. («Заявлял он также с полной уверенностью, что если не пошлют к Сильвану его соплеменника, то тот, будучи опасливым, даже если ничего не угрожает, может затеять смуту»).

[68, XIV, 6.6]: et ubique patrum reverenda cum auctoritate canities| populique Romani nomen circumspectum et verecundum. («И повсюду седые локоны сенаторов пользуются уважением наряду с их авторитетом, а именем римского народа восхищаются и почитают его»).

[68, XIV, 5.4]: accedebant enim eius asperitati,| ubi imminuta vel laesa amplitude imperii dicebatur,| et iracundiae suspicionumque vanitati| proximorum cruentae blanditiae| exaggerantium incidentia| et dolere impendio simulantium,| si principis periclitetur vita …(«Также к его суровости, когда говорилось, что величие его императорского командования умаляется или терпит ущерб, и к его склонности к гневу и пустым подозрениям добавлялись пропитанные кровью уговоры самых близких ему людей, которые преувеличивали совпадения и притворялись глубоко опечаленными, как если бы жизнь принцепса оказывалась под угрозой»).

Здесь греческое влияние в наклонениях и временах глаголов проявляется – 1) в использовании изъявительного наклонения будущего времени в косвенной речи, как будто после ὅτι или ὡς, в отрывке *a*; 2) в случайном выборе в словарном запасе лексемы, значение которой, по-видимому, определяется греческим эквивалентом (отрывок второй): ircumspectus здесь не имеет ни того, ни другого значения, засвидетельствованных в Oxford Learner's Dictionary (a. «тщательно продуманный, охраняемый»; b. «осторожный, осмотрительный, расчетливый»), но, по-видимому, используется Амммианом для обозначения прямого греческого эквивалента, περίβλεπτος («рассматриваемый со всех сторон, вызывающий восхищение у всех наблюдателей») (Liddel Scott Jhones Dictionary), а в древнерусском переводе понимаемый как «славный».

О греческом языке постоянно напоминает пристрастие Аммиана к причастиям среднего рода множественного числа, например composita в отрывке первом и incidentia в третьем. Последнее, вероятно, является калькой греческого τὰ συμεσόντα, как предположил Норден [57, S. 648]. Как известно, употребление причастия в целом гораздо более характерно для греческого языка, чем для латыни, и Аммиан любит использовать его методами, редкими для использования латыни: в именитель-

ном падеже единственного числа в длинных периодических предложениях, в среднем числе множественного числа, как мы только что видели, в родительном падеже множественного числа там, где можно было бы ожидать относительного предложения (exaggerantium и simulantium в отрывке третьем). Ян ден Бефт [28, p. 14–16] определил, что в выборке Аммиана на 1000 слов приходится около 100 причастий, и это в два раза больше, чем в выборках Ливия и Тацита, и в четыре раза больше, чем в выборках Саллюстия.

Все сказанное, однако, не позволяет видеть какую-либо ущербность в латыни Аммиана, хотя в свое время Норден считал спорадические переводы историка на греческий язык «естественным следствием неспособности автора выражать свои мысли на правильной латыни» [57, S. 648]. Д. Мэтьюз, однако, обратил внимание на двуязычие и бикультурность атмосферы Антиохи времен юности Аммиана [52, p. 70–80], хотя, полагаю, сюда следовало бы добавить социальные возможности будущего историка глубоко усвоить это двуязычие. Мысль о глубокой погруженности Аммиана в латинскую литературную культуру подтверждается важной статьей К. Форнары, рядом глав монографии Келли и рецензией М. Куликовски на эту книгу [35; 39; 44]. «Конечно, маловероятно, чтобы тот, кто мыслил по-гречески, предпочитал латынь греческим источникам», – пишет Т. Барнс [13, p. 76], но изыскания Келли показали, что случаев, когда источниками Аммиана по греческой истории являются латиноязычные сочинения, гораздо больше, нежели случаев противоположного плана [39].

В связи с этим наблюдением следует обратить внимание на другую мысль Г. Келли: важно представлять, в какой степени практика Аммиана по адаптации греческого языка к латыни была индивидуальна и зависела от необычного происхождения и литературных целей историка, а также от того, в какой мере она отражает норму, в коей греческая классика была включена в латынь [38, p. 77; ср.: 33, p. 30–31]. Но дело в том, что одной из форм такой адаптации непосредственно в Res Gestae является *авторский перевод*. И в рамках этого перевода, как уже было показано выше, эллинское произношение греческих акцентов на латыни (даже в случае, когда имеет место склонение на латыни) не просто допускалось, но даже предписывалось античными авторами. Псевдо-Сергиус (грамматик, один из комментаторов Доната) писал: Graeca autem suis accentibus pronuntianda esse noscamus (GL, Vol. IV. p. 483.29) («Однако мы должны признать, что греческие слова должны произноситься с их собственным ударением»). Сам Аммиан называет место упокоения драматурга Еврипида термином *Euripidis* sepulchrum (Amm., XXVII, 4.8)

(курсив мой – А. К.), что находит параллель в одном из стихов Сидония: orchestram quatit alter *Euripidis* (Sid., Carm., IX, v. 234) (курсив мой – А. К.) («другой снова воскрешает сцену Еврипида»). В этом стихе просодия представляет собой греческий слог с долгим ударением и сокращает длинный слог. Можно, однако, предположить, что ошибке Сидония в написании имени Еврипида способствовал тот факт, что по резонам соблюдения соответствующей метрики подобное написание имело место в более ранней латинской поэзии. Еще пример – у Пруденция имя злого префекта Асклепиада последовательно пишется с долгим ударением на предпоследнем слоге, в частности: Asclepiades ire mandat milites (Prud., Perist., 10. v. 42; ср.: Ibid., v. 108, 392, 548, 687). Опять-таки здесь видим латинскую передачу греческого акцентирования, показывающую, что уроженец Запада (Пруденций), называя имя имперского чиновника, мог использовать греческое произношение, – точно так же, как это сделал Аммиан, называя современного ему философа Асклепиада (!) (Amm., XXII, 13.3).

Конечно, подобных примеров недостаточно для заявления, что произношение с ударением на предпоследнем слоге было легко принято в латыни, где оно противоречило правилам акцентуации, и, следовательно, имена Александра (Alexander), Феопомпа (Theopompus) и Гомера воспринимались бы как странные. И, действительно, произношения имени третьего из них (Homerus) Аммиан не принял [62, p. 289; 33, p. 30].

Приведенные примеры важны не сами по себе, – они иллюстрируют не только манеры презентации Аммианом своих переводов. Они приближают нас к пониманию уровня образованности тех людей, которым историк в первую очередь и адресовал свое сочинение. И здесь мы можем сравнить грамматические изыски Res Gestae с данными, предоставляемыми на этот счет грамматиками V–XI вв., – это показывает, что инструментарий Аммиана, поддерживающий методы его перевода с греческого языка, находился в русле переводческой традиции, перешедшей в европейское средневековье.

В частности, необычная манера сохранения ударения на предпоследнем слоге, в отличие от того, как оно могло бы стоять по всем правилам того же греческого языка, а также как оно не могло бы должным образом стоять в латинской глоссе, засвидетельствована, как отметил А. М. Хармон [36, p. 45], у Псевдо-Сергиуса (GL, Vol. IV. p. 528.2–8). Напрашивается вывод: даже профессионалы, позднеантичные грамматики, отмечали как обыденную практику «грецизирования» деклинаций

в самых распространенных именованиях соответствующие свойства авторского перевода Аммиана, тонко реагирующего на лексику сенатско-бюрократических групп [65, p. 236–237].

В связи с этим нельзя не обратить внимание на изыскания А. Росса, который не дает однозначного ответа на вопрос, ожидал ли Аммиан от своих читателей (слушателей) понимания его греческой речи [63, p. 207–218]. Отчасти такую осторожность исследователя можно объяснить тем, что в настоящее время существуют методические проблемы, связанные с повышенным вниманием к осуждениям в V–VII вв. грамматистов, которые в своих трактатах не всегда были адекватны реальному состоянию словесности [47, p. 18–19; 50, p. 34–36; 51, p. 43; 24, p. 2–4]. Как остроумно заметила А. Лутала, такой специалист по позднеантичной и раннесредневековой грамматике мог бы быть эквивалентом тех, кто сегодня упрекает носителей английского языка за то, что они трактуют слово data исключительно в единственном числе [50, p. 8].

Очевидно, что для понимания причин интеркоррекции в азианскую позднеантичную латынь всех отмеченных элементов морфологии, фонетики и лексики греческого языка (разумеется, в целях переводческой деятельности!) требуется дополнительная работа над аналогичными (или хотя бы близкими) методиками других авторов, – даже если характер клаузуляции Аммиана означает, что свидетельства этих источников вряд ли будут столь же репрезентативными. В современной специальной литературе преобладает мысль, что, например, появление форм, подобных Aléxandri, следует рассматривать не как обычный элемент речи или невольный солецизм, синтаксически неправильный оборот, не искажающий смысла высказывания, а как осознанный выбор озвучивания по-гречески [61, p. 465–466, 64, p. 305]. Это, по-видимому, полностью соответствовало личности автора, – показная легкость, с которой он вставлял в текст Res Gestae краткие и расширенные эксцерпты из греческой лексики, сопровождая их собственным переводом. К такой же методике следует отнести приемы, с помощью которых он цитирует или, наоборот, замалчивает греческие глоссы [38, p. 79].

Ко всему прочему, следует добавить, что степень, в которой Аммиан использовал в своем латинском тексте, насыщенном изысками азианского красноречия, греческую письменность, явно была недооценена в издании В. Зейфарта, а готовность большинства латинских литераторов использовать ее была менее распространена, чем можно было подумать [61, p. 470–471]. В связи с этим также стоит отметить тот факт, что греческие глоссы легко вписываются в клаузулы Res Gestae (вместо того, чтобы быть убранными в конце предложения или исключенными

из обычного ритма прозы). Если сравнить подобную манеру Аммиана с морфологией его не менее знаменитого латинского современника, Квинта Аврелия Симмаха, который был столь же скрупулезен в калькуляциях, но менее уверенным в себе эллинистом, то бросается в глаза элементарный факт: из шести слов в его письмах, которые в протографе, вероятно, были написаны греческим шрифтом, все шесть тщательно защищены от клаузулы: [Symm. Ep., 1.1.2, 1.14.2, 3.44, 3.47, 8.17.1, 9.110.2; см. об этом: 18, p. 385–386]. Подобную методику можно сравнить с практикой более квалифицированного эллиниста, такого как Макробий, – наряду с другими латинскими авторами IV–V вв., которые, подобно Симмаху и тому же Макробию, использовали cursus mixtus (т. е. частично акцентированный, частично метрический) и, следовательно, так же, как и Аммиан, прибегали к выборочному авторскому переводу [58]. Однако исследование подобных переводов у других авторов не предполагает учета того, что отдельные слова и короткие фразы греческого языка регулярно вписывались ими, как и Аммианом, в латинский ритм [60, p. 82–83]. Автору Res Gestae в этом, конечно, способствовала азианская система ритма прозы, близкая к системам его греческих современников и не зависящая от количества таковых [77, S. 4–5]. Но знатоков азианского красноречия среди латинских прозаиков (и тем более – историков) было явно немного, что, возможно, значительно усложняло практику такого рода авторского перевода, которая была доступна Аммиану.

Понятно, что уровень использования историком Graeci modi в его сочинении мог быть усвоен (и тем более – понят) лишь образованной публикой, обладающей определенным вкусом к тонкой азианской стилистике, предлагаемой текстом Res Gestae. Но практика не столь уж рафинированных (скорее даже – упрощенных) форм «авторского перевода» (особенно с помощью перечисленных бесхитростных игр с морфологией, «эллинизацией» латинских терминов, передаваемых латынью греческих имен и т. п.) заостряет вопрос о социокультурном облике читателей / слушателей подобного текста.

Вопрос о социальной позиции Аммиана был поставлен одновременно Э. Томпсоном и Н. Н. Розенталем, охарактеризовавшими историка как выразителя взглядов средних классов [71, p. 127; 8, с. 102–103]. Точку зрения Томпсона поддерживает Й. Фогт [75, S. 802–803]. Характеристика Аммиана как выразителя взглядов сенатской аристократии, ставшая популярной в 50-х гг. XX в., была подвергнута сомнению, в том числе З. В. Удальцовой, полагавшей вначале, что историк отражал интересы фрондирующих сенаторов, но затем склонившейся к мнению о

присутствии в его мировоззрении настроений куриалов, оппозиционных к сенаторской знати [9, с. 14; 10, с. 49]. А. Кэмирон, крупный знаток позднеантичной литературы, оценил мысли о просенатской позиции Аммиана неудачными ввиду отсутствия прямых данных на сей счет [20, p. 28]. В монографии Д. Мэтьюза большое внимание было уделено связи фамилии Аммиана с military estat, военной карьере будущего историка и отмечено: «Как член высокопоставленной семьи, Аммиан мог в общем сочувствовать экономическим интересам высшего класса владельцев недвижимости (landed upper-class), однако без того, чтобы во всех ситуациях ассоциировать себя с ними». Такое же внимание к месту «военного сообщества» в жизни Аммиана, к отражению этого места в Res Gestae уделил Т. Барнс, не сосредотачиваясь, однако, на вопросе о социальной позиции историка [13, p. 83–86]. Присоединяясь в известной степени к точке зрения Мэтьюза о влиянии семейных корней на характер сюжетов Res Gestae и о самохарактеристике писателя как miles, интересное мнение об Аммиане высказал Р. У. Ибатуллин, считающий, что наш историк как «служилый человек» «ассоциировал себя скорее с общеимперской военно-бюрократической машиной, чем с «малой родиной», а текст его сочинения «не позволяет выявить пристрастий, связанных с принадлежностью к соответствующим социальным общностям» (в частности, к высокопоставленному офицерству): стремление к объективности в Res Gestae оказалось выше таких пристрастий, а значит, социальная идентификация не представлялась ему особенно значимой [4, с. 8]. Понятно, что подобные черты ориентаций Аммиана не противоречат адресованности сочинения весьма образованным кругам империи (сегменты греческого языка, авторских переводов – одно из свидетельств этого факта). Недавно Д. Н. Санчес Вендрамини на огромном материале не только текста Res Gestae, но и параллельных данных иного нарратива второй половины IV – начала V вв. предположил, что адресатом сочинения историка были как сенаторы, так и бюрократы высших рангов, удостоенных клариссимата [65, p. 236–237]. Добавлю, что при учете того, что к концу IV в. (как показали современные исследования) границы между этими социальными стратами основательно размылись, особенно в Восточной Римской империи, а куриалы уже были изрядно дифференцированы (их верхушка весьма сблизилась по социальному положению с сенаторами, опять-таки более всего на Востоке), презентованные выше мысли Удальцовой о социальных ориентациях Аммиана кажутся не очень противоречащими друг другу. В то же время нельзя не напомнить, что специалисты практически единодушно схо-

дятся в том, что Аммиан писал в Риме и для Рима[1]. Рим, в более широком смысле, и является объектом его повествования, – иначе говоря, в идеологии Res Gestae граница между Римом – городом и империей размыта. «Романоцентризм» Аммиана тем более примечателен, что Константинополь в его сочинении таким вниманием не удостоен вообще, и корни этого следует искать в пренебрежительном и даже отрицательном отношении многих граждан империи к городу на Босфоре, притязавшему на статус Рима, особые привилегии (по сравнению с другими центрами Востока, в том числе такими старинными и уважаемыми, как Александрия и Антиохия, откуда вышел Аммиан) [12, S. 18; 39][2].

Именно из-за притязаний Константинополя на статус Рима Аммиан использует свой особый прием для выражения презрения к такому целеполаганию: рассматривая (независимо от этого отрицательно окрашенного чувства) империю как принципиально тот же организм, каким она была при Траяне, историк практикует авторские отступления (как у Геродота – исторические, географические, мифологические и т. п.) в своем повествовании в форме классических exempla (в том числе и с грекоязычным содержанием, которое мы именуем авторскими переводами), дополнительно подчеркивающих бытие Рима как вневременного проекта. Экскурсы, касающиеся таких инноваций, как Константинополь и христианство, противоречили бы подобной методологии. Поэтому даже в ряде длинных рассказов Res Gestae о знаковых памятниках города на Босфоре имя Константинополя старательно не упоминается. По той же причине многочисленные ремарки, мимоходом сделанные замечания и прямые указания, касающиеся увязки сего города с традици-

---

[1] Исключением, подтверждающим правило, является пассаж, где Аммиан как бы адресует свои иронические замечания о городе (о волнениях, харчевнях и «иных низких предметах») неким peregrini («чужакам») (Amm., XIV, 6.2). Заслуживает внимания использование в данном случае исконно римского технического термина [ср.: 21].

[2] Сарказм в отношении Константинополя таких знаменитых интеллектуалов IV–V вв., как Либаний и Евнапий, не был оригинален (Libanius, Or. 30.6, 37; Eunap., VI, 2.8–9) [подробнее см.: 25]. Следует учесть, что определенная часть социальной верхушки Западной Римской империи, видимо, выражала те же мысли более тонко. Например, такой интеллектуал, как Аврелий Виктор, использующий в качестве оружия осуждения недомолвки и подчеркнутую лапидарность, упоминает основание Константином своего города как бы походя, периферийно по сравнению с иными фактами деяний императора; тут же и с той же краткостью он упоминает о покровительстве Константина по отношению к христианству (Aur. Vict., 41. 12). Чуть ниже с той же лапидарностью историк сообщает о погребении императора «в городе, названном в его честь» (Ibid., 41. 17). Подобные факты показывают, что адресовать свои «авторские переводы» столичной верхушке преимущественно грекоязычной империи Аммиан вряд ли стремился.

онной римской системой, в том числе с язычеством, лишь подчеркивают (в пределах фундаментальной толерантности Res Gestae), что связываемое с Константинополем христианство – всего-навсего одна из интерполяций в историю *Рима*.

Именно с подобной позицией историка, скорее всего, и надо увязывать наличествующие в его сочинении авторские переводы с греческого, а также дополняющие их морфологические эксперименты. Их можно оценивать как попытку апеллировать к такому качеству образованных латиноязычных *римлян* (в широком смысле), как традиционное восприятие греческого языка как второго имперского (качество, обязательное для *Рима – империи*).

Слушатели сочинения Аммиана (вспомним, что тогда еще очень популярна была аудиокультура чтения) внимали, как произносятся глоссы *pyrós, Thebaís, Thucydídes, horízontas, Antióchiae, Aléxandro* – этим образованным людям, адресатам Res Gestae, уместно было и напоминание перевода многих таких слов, фраз и даже сентенций. Но эффективность таких напоминаний вряд ли была высокой, – кроме всего прочего, завершение труда нашего историка и начало бурного успеха при его обнародовании совпали с окончательным разделением Римской империи на два самостоятельных государства, в которых стремительно будет нарастать независимость обоих языков (латыни и греческого) друг от друга. Скромные авторские переводы Аммиана, усиленное внедрение эллинской ритмики в латинские глоссы и иные приемы в попытке подогреть интерес к греческой словесности (через ее крайне ограниченный синтез со словесностью латинской) вряд ли могли быть высоко эффективными, особенно в работе на перспективу. Тем не менее и эта практика могла внести скромный вклад в сохранение инерции античной идентичности (например, «римлян» – в варварских королевствах, «ромеев» – в Византийской империи).

Список литературы

1. Алексеева, Л. М. Идентичность в переводе / Л. М. Алексеева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2013. – Вып. 2 (22). – С. 69–74.
2. Галь, Н. Слово живое и мертвое / Н. Галь. – М., 2016.
3. Гаспаров, М. Л. Обязанность понимать / М. Л. Гаспаров // Гаспаров М. Л. Записки и выписки. – М., 2000. – С. 94–98.
4. Ибатуллин, Р. У. Аммиан Марцеллин: проблемы биографии в контексте эпохи: автореф. дис. … канд. ист. наук / Р. У. Ибатуллин. – Казань, 2000.

5. Каждан, А. П. Аммиан Марцеллин в современной зарубежной литературе / А. П. Каждан // ВДИ. – 1972. – № 1. – С. 223–232.

6. Кашкин, И. А. Вопросы перевода / Н. А. Кашкин // В братском единстве. – М., 1954. – С. 476–612.

7. Кашкин, И. А. Перевод и реализм / Н. А. Кашкин // Мастерство перевода. – М., 1964. – С. 451–465.

8. Розенталь, Н. Н. Социально-политические воззрения языческой интеллигенции поздней Римской империи (Либаний и Аммиан Марцеллин) / Н. Н. Розенталь // Труды Одесского гос. ун-та. – 1947. – Вып. 49. Ист. фак-т, т. II, – С. 89–116.

9. Удальцова, З. В. Источники по истории Византии IV – первой половины VII вв. / З. В. Удальцова // История Византии. – М., 1967. – Т. 1. – С. 5–65.

10. Удальцова, З. В. Мировоззрение Аммиана Марцеллина / З. В. Удальцова // ВВ. – 1968. – Т. XXVIII. – С. 38–59.

11. Adams, J. N. Bilingualism and the Latin Language / J. N. Adams. – Cambridge, 2003.

12. Barceló, P. A. Überlegungen zur Herkunft des Ammianus Marcellinus / P. A. Barceló // Charistion CPT Naudé / ed. U. Vogel-Weidemann, J. Scholtemeijer. – Pretoria, 1993. – S. 17–23.

13. Barnes, T. D. Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality / T. D. Barnes. – Ithaca ; New York, 1998.

14. Barnes, T. D. Literary Convention, Nostalgia and Reality in Ammianus Marcellinus / T. D. Barnes // Reading the Past in Late Antiquity / ed. G. Clarke. – Rushcutters Bay, 1990. – P. 59–92.

15. Blockley, R. Ammianus Marcellinus and his Classical Background – Changing perspectives / R. Blockley // International Journal of the Classical Tradition. – 1996. – Vol. 2. – P. 455–466.

16. Brisset, A. Sociocritique de la traduction. Théâtre et altérité au Québec (1968–1988) / A. Brisset – Longueuil, 1990.

17. Cameron, A. Christianity and the Rhetoric of Empire. The Development of Christian Discourse / A. Camerpn. – Berkeley, 1991.

18. Cameron, A. History as Text: The Writing of Ancient History / A. Cameron. – London, 1989.

19. Cameron, A. Nicomachus Flavianus and the date of Ammianus's last books / A. Cameron // Athenaeum. – 2012. –Vol. 100. – P. 337–358.

20. Cameron, A. The Roman Friends of Ammianus / A. Cameron // Journal of Roman Studies. – 1964. – Vol. 54. – P. 15–28.

21. Cameron, A. Cameron Av. Christianity and Tradition in the Historiography of the Late Empire / A. Cameron // Classical Quarterly. – 1964. – Vol. 14, no. 2. – P. 316–328.

22. Camus, P. M. Ammien Marcellin, temoin des courants culturels et religieux a la fin du IVe siècle / P. M. Camus. – Paris, 1967.

23. Clark, E. A. History, Theory, Text: Historians and the Linguistic Turn / E. A. Clark. – Cambridge (Mass.), 2004.

24. Copeland, R. Introduction / R. Copeland, I. Sluiter // Medieval Grammar and Rhetoric. Language Arts and Literary Theory, AD 300–1475 / ed. R. Copeland, I. Sluiter. – Oxford, 2010. – P. 1–71.

25. Cracco Ruggini, L. C. Ammiano Marcellino: un intellettuale greco di fronte all'impero e alla sua capitale / L. C. Cracco Ruggini // Atti del Convegno dell'Accademia Nazionale Virgiliana: Cultura latina pagana fra terzo e quinto secolo d. C. – Florence, 1998. – P. 213–235.

26. Cracco Ruggini, L. Simboli di battaglia ideologica nel tardo ellenismo / L. Cracco Ruggini // Studi storici in onore di Ottorino Bertolini. – Pisa, 1972. – P. 177–300.

27. Demandt, A. Zeitkritik und Geschichtsbild im Werk Ammians / A. Demandt. – Habelts Dissertationsdrucke. Reihe alte Geschichte. H. 5. – Bonn, 1965.

28. den Boeft, J. Ammianus graecissans / J. den Beft // Cognitio Gestorum. The Historiographic Art of Ammianus Marcellinus / ed. J. den Boeft, D. den Hengst, H. C. Teitler. – Amsterdam, 1991. – P. 9–18.

29. den Boeft, J. Philological and Historical Commentary on Ammianus Marcellinus XXXI. Leiden / J. den Beft, J. W. Drijvers, D. den Hengst, H. C. Teitler. – Boston, 2017.

30. di Spigno, C. Aspetti e problemi della storia degli studi ammianei / C. di Spigno // Helicon. – 1963. – No. 3. – P. 524–534.

31. di Spigno, C. Limiti e pregi della storiografia di Ammiano Marcellino / C. di Spigno // Rendiconti dell'Academia nazionale dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filologiche. – 1950. – No. 5. – P. 387–406.

32. Elliott, G. Ammianus Marcellinus and Fourth Century History / G. Elliott. – Toronto, 1983.

33. Fontaine, J. Le Style d'Ammien Marcellin et l'esthétique théodosienne / J. Fontaine // Cognitio Gestorum. The Historiographic Art of Ammianus Marcellinus / ed. J. den Boeft, C. H. Teitler. – Amsterdam, 1992. – P. 27–37.

34. Fornara, C.W. Studies in Ammianus Marcellinus I: The Letter of Libanius and Ammianus' Connection with Antioch / C. W. Fornara // Historia. –1992. – Vol. 41. – P. 328–344.

35. Fornara, C. W. Studies in Ammianus Marcellinus II: Ammianus' Use and Knowledge of Greek and Latin Literature / C. W. Fornara // Historia. – 1992. – Vol. 41. – P. 420–438.

36. Harmon, A. M. The Clausula in Ammianus Marcellinus / A. M. Harmon. – New Haven, 1910.

37. Janson, T. Prose Rhythm in Mediéval Latin from the 9th to the 13th Century / T. Janson. – Stockholm, 1975.

38. Kelly, G. Ammianus' Greek Accent / G. Kelly // Talanta. – 2013 (2015). –Vol. 45. – P. 67–79.

39. Kelly, G. Ammianus Marcellinus: The Allusive Historian / G. Kelly. – Cambridge, 2008. – P. 284–293.

40. Kelly, G. The Hersfeldensis and the Fuldensis of Ammianus Marcellinus: Reconsderation / G. Kelly // The Cambridge Classical Journal. – 2016. – No. 1. – P. 1–22.

41. Kelly, G. The New Rome and the old: Ammianus Marcellinus' silences on Constantinople / G. Kelly // Classical Quarterly. – 2003. – Vol. 53. – Fasc 2. – P. 588–607.

42. Kelly, G., Stover J. The Hersdeldensis and the Fuldensis of Ammianus Marcellinus: Areconsideration / G. Kelly, J. Stover // Cambridge Classical Journal. – 2016. – Vol. 68. – P. 108–129.

43. Kulikowski, M. E. Coded Polemics in Ammianus Book 31 and the Date and Place of its Composition / M. E. Kulikowsky // Journal of Roman Studies. – 2012. – Vol. 102. – P. 79–102.

44. Kulikowski, M. E. Very Roman Ammianus / M. E. Kulikowsky // Classics Ireland – 2008. – Vol. 15. – P. 52–79.

45. Laes, Ch. Multilingualism and Multilingual Encounters in Ammianus Marcellinus / Ch. Laes // Cahiers du Centre Glotz. – 2017. – Vol. 28. – P. 151–174.

46. Laistner, M. L. W. The Greater Roman Historians (Sather Classical Lectures, 21) / M. L. Laistner. – Berkeley, 1947.

47. Law, V. Grammar and grammarians in the early Middle Ages / V. Law. – London ; New York, 1997.

48. Libanii Orationes XXVI – L / Libanius // Libanii Opera omnia / ed. R. Förster. – Lipsiae, 1906. – Vol. III.

49. Libanii Epistolae 840 – 1544, Libanius // Libanii Opera omnia / ed. R. Förster. – Lipsiae, 19 22. – T. XI.

50. Luhtala, A. Art of Grammar in the Middle Ages / A. Luhtala. – Bruxelles, 2018.

51. Luhtala, A. Secondary Grammar Education in the Middle Ages / A. Luhtala // The History of Grammar in Foreign Language Teaching / ed. S. Coffey. – Amsterdam, 2020. – P. 43–62.

52. Matthews, J. The Roman Empire of Ammianus / J. Matthews. – Ann Arbor, 2008.

53. Matthews, J. The Origin of Ammianus./ J. Matthews // Classical Quarterly. – 1994. – Vol. 44. – Fasc. 1. – P. 252–269.

54. Momigliano, A. The Historians of the Classical World and their Audiences: Some Suggestions / A. Momigliano // Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. Classe di Lettere e Filosofia. Serie III. – 1978. – Vol. 8. – P. 59–75.

55. Momigliano, A. The Lonely Historian Ammianus Marcellinus / A. Momigliano // Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. Classe di Lettere e Filosofia. Serie III. – 1974. – Vol. 4. – P. 1393–1407.

56. Naudë, C. P. T. Fortuna in Ammianus Marcellinus / C. P. T. Naudë // Acta classica. –1964. – Vol. 7. – P. 70–88.

57. Norden, E. Die Antike Kunstprosa / E. Norden. – Leipzig, 1990.

58. Oberhelman, S. M. The Cursus in Late Imperial Latin Prose: A Reconsideration of Methodology / S. M. Oberhelman // Classical Philology. – 1988. – Vol. 83. – P. 136–149.

59. Oberhelman, S. M. The Provenance of the Style of Ammianus Marcellinus / S. M. Oberhelman // Quaderni Urbinati di Cultura Classica. New Series. – 1987. – Vol. 27, no. 3. – P. 79–89.

60. Oberhelman, S. M. Prose Rhythm in Latin Literature of the Roman Empire: First Century B.C. to Fourth Century A.D. / S. M. Oberhelman – Lewiston, Queenston, Lampeter, 2003.

61. Pelttari, A. Approaches to the Writing of Greek in Late Antique Latin Texts / A. Pelttari // Greek, Roman, and Byzantine Studies. – 2011. – Vol. 51, no. 3. – P. 461–482.

62. Roncali, R. Omero in Ammiano / R. Roncali // Rivista di filologia e di istruzione classica. – 1980. – Vol. 108. – P. 289–291.

63. Ross, A. J. Ammianus' Julian. Narrative and Genre in the Res Gestae / A. J. Ross. – Oxford ; New York, 2016.

64. Sabbah, G. La méthode d'Ammien Marcellin / G. Sabbah. – Paris, 1978.

65. Sánchez Vendramini, D. N. The Audience of Ammianus Marcellinus and the Circulation of Books in the Late Roman World1 / D. N. Sánchez Vendramini // Journal of Ancient History. – 2018. – Vol. 6, issue 2, – P. 234–259.

66. Selem, A. II senso del tragico in Ammiano / A. Selem // Annali della scuola Normale Superiore di Pisa. Classe di Lettere, storia e filosofia. Ser. II. – 1965. – Vol. 34. – P. 404–414.

67. Seyfarth, W. Ammianus Marcellinus und das Fatum / W. Seyfarth // Klio: Beiträge zur alten Geschichte. – 1965. – Vol. 43/45. – S. 291–306.

68. Seyfarth, W. Praefacio / W. Seyfarth // Ammiani Marcellini Rerum-starum libri qui supersunt / ed. W. Seyfarth. – Berlin, 1978. – Vol. I. – P. V–XXIII.

69. Steiner, G. After Babel: Aspects of Language and Translation / G. Steiner. – Oxford ; New York, 1998.

70. Stoian, J. A propos de la conception historique d'Ammien Marcellin (ut miles quondam et Graecus, 31, 16, 9) / J. Stoian // Latomus. –1968. – Vol. 26. – P. 191–196.

71. Thompson, E. A. The Historical Work Of Ammianus Marcellinus / E. A. Thompson. – Cambridge, 1947.

72. Venuti, L. The Translator's Invisibility A History of Translation / L. Venuti. – London ; New York, 1995.

73. Venuti, L. Translation, Interpretation, Canon Formation / L. Venuti // Translation and the Classic: Identity as Change in the History of Culture / ed. A. Lianeri, V. Zajko. – Oxford, 2008. – P. 27–51.

74. Viansino, G. Ammiani Marcellini Rerum gestarum lexicon / G. Viansino. – Hildesheim, 1985. – Vol. I, II.

75. Vogt, J. Ammianus Marcellinus Als Erzählender Geschichtsschreiber der Spätzeit / J. Vogt // Akademie der Wissenschaften und der Literatur: Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse. – 1963. – No. 8. – S. 801–825.

76. Weisweiler, J. Unreliable Witness: Failings of the Narrative in Ammianus Marcellinus / J. Weisweiler // Literature and Society in the Fourth Century AD: Performing Paideia, Constructing the Present, Presenting the Self / ed. L. Van Hoof, P. Van Nuffelen. – Leiden ; Boston, 2014. – P. 103–133.

77. Wilamowitz-Moellendorff, U. Asianismus und Atticismus / U. Wilamowitz-Moellendorff // Hermes. – 1900. – Bd. 35. – S. 1–52.

78. Zecchini, G. Greek and Roman Parallel History in Ammianus / G. Zecchini // Ammianus After Julian: The Reign of Valentinian and Valens in Books 26–31 of the Res Gestae / ed. J. den Boeft, J. W. Drijvers, D. den Hengst, H. C. Teitler. – Leiden, 2007. – P. 201–218.

Список сокращений

ВВ – Византийский временник

ВДИ – Вестник древней истории

Amm. – Ammiani Marcellini Rerumstarum libri qui supersunt / ed. W. Seyfarth. – Berlin, 1978. – Vol. I–II.

Aur. Vict. – Sextui Aurelii. Victoris Epitoma de Caesaribus / rec. R. Pichlmayr, R. Gruendel. – Lipsiae, 1970.

Cic. Ac. – Cicero (Marcus Tullius Cicero). Academica posteriora (Erasme; collection de textes latins commentés. T. 25) / ed. M. Ruch, Paris,1970.

Eun. – Eunapii Vita Sophistarum / ed. J. Giangrande. – Roma, 1956.

Gell. NA – Auli Gelli Noctium Atticarum. Libri XX. / Post M. Hertz ; ed. C. Hosius. – Lipsiae, 1981. – Vol. I–II.

GL – Grammatici Latini / rec. H. Kelli. – Berolini, 1864. – Vol. IV. Probi Donati Servii qui feruntur de Arte Grammatica Libri.

MGH. AA – Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi.

Prud. – Aurelii Prudentii Clementis Carmina / ed. M. P. Caunningham (Corpus Christianorum. Series Latina, 126). – Turnhout, 1966.

Symm. – Q. Aurelii Symmachi Quae supersunt (Monumenta Germaniae historica: Auctorum antiquissimorum; t. 6, pars prior) / ed. O. Seeck. – Berolini, 1883.

Sid., Carm. – Gai Solii Apollinaris Sidonii Carmina / rec. Ch. Luetjohann // MGH. AA. – Berolini, 1887. – Vol. VIII. – P. 173–264.

Quint. – Quintiliani Instituionis Oratoriae Liber X / ed. W. Peterson. – Oxford, 1967.